

Евгений werden diese jedoch in einem künftigen Werk (Historisch-etymologisches Wörterbuch lexikalischer Hungarismen in den ukrainischen Mundarten) ausgearbeitet.

Im folgenden VII. Kapitel (S. 157—163) werden die ungarischen Entlehnungen vom Standpunkt ihres semantischen (eindeutigen bzw. mehrdeutigen) Gebrauchs in den einzelnen Mundarten bewertet. Einige höchstinteressante semantische Erscheinungen bleiben hier jedoch unbeachtet. Zum Beispiel die Fragen, ob die Polysemie des entlehnten Wortes aus der Originalsprache übernommen wurde oder ob eine volle bzw. teilweise semantische Neuentwicklung in der Mundart stattgefunden hat u. a.

Theoretische Fragen der Sprachwechselwirkung werden im Kapitel VIII (S. 164—177) behandelt. Dazu wird vom Autor ein reichlicher wissenschaftlicher Apparat herangezogen, auf dem die allgemeinsten interlinguistischen Probleme basieren (besonders der lexikalisch-semantische Aspekt). Die genannten Fragen werden vom Standpunkt der Soziolinguistik (in diachronischem und synchronischem Plan) wie auch vom Standpunkt der Psycholinguistik (Herausbildung des Bilinguismus beim Individuum und im Sprachkollektiv) erörtert. In ungenügendem Maße jedoch werden die Ergebnisse ungarischer Forscher auf dem Gebiet der ungarisch-ukrainischen mundartlichen Wechselwirkung ausgenutzt.

Im Kapitel IX (S. 184—211) wird einleitend von der Geschichte und dem Gegenstand der Sprachgeographie berichtet. Dann geht der Autor zu den Prinzipien der Kartographierung über, um lediglich in Details von der Sammelmethode des sprachlichen Stoffes zu sprechen. Das Kapitel IX kann einem Forscher mundartlicher Kontakte als Wegweiser dienen. Mit diesem Kapitel endet eigentlich der erste

und einigermaßen selbständige Teil der Monographie.

Der zweite und der größte Teil des rezensierten Werkes (Kapitel X, S. 212—511) ist den Hungarismen in den ukrainischen Mundarten Transkarpatiens gewidmet und ist in Form eines Atlases abgefaßt worden. In diesem Teil der Monographie werden 210 linguistische Karten mit entsprechenden Kommentaren gegeben, von denen 161 lexikalische, 35 semantische und 14 Isoglossenkarten darstellen. Die im Atlas beschriebenen Hungarismen widerspiegeln thematisch hauptsächlich den Wortschatz aus dem Bereich der Bekleidung und des Haushalts. Um eine bessere Übersicht des mundartlichen Stoffes zu erleichtern, werden die wichtigsten Merkmale der Hungarismen durch ein System von Symbolen gekennzeichnet. Besonders wertvoll sind die Kommentare, die zu jeder linguistischen Karte gesondert beigegeben werden. Die Kommentare enthalten nicht nur linguistische, sondern auch ethnographische, technologische u. a. m. Angaben.

Als Beilage (S. 512—653) enthält das Werk eine Zusammenfassung in ungarischer und deutscher Sprache und ein Namen- und Stichwortregister.

Der Verfasser der von uns rezensierten Monographie hat eine umfangreiche mundartliche sprachgeographische Untersuchung durchgeführt, die eine große Bedeutung nicht nur für die ukrainisch-ungarische, sondern auch für anderssprachige Wechselbeziehungen hat. Dieses Werk kann für weitere Untersuchungen der ukrainisch-ungarischen Sprachkontakte als wissenschaftlich-methodische Grundlage betrachtet werden.

IMRE ZEKANY, GEORGES MELIKA
(Užgorod)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.2.11>

Д. В. Цыганкин, Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 1978.

22 мая 1978 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации заведующим кафедрой мордов-

ских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева Д. В. Цыганкиным на тему «Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование)». Официальными оп-

понентами выступили доктора филологических наук В. Палль (Таллин), И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и Г. М. Керт (Петрозаводск).

В последние два десятилетия мордовские диалекты подвергаются интенсивному изучению в синхронном плане. Исследованию отдельных диалектных групп посвящен целый ряд кандидатских диссертаций, изданы серия диалектологических очерков, отдельные монографии. Усиленное внимание мордовских языковедов к диалектам вполне понятно и его следует всячески приветствовать, ибо диалекты мордовских языков, как впрочем и других языков народов СССР, в настоящее время переживают быстро развивающийся процесс нивелировки. Рецензируемую диссертацию в какой-то мере можно рассматривать как продолжение той большой работы, которую начали мордовские языковеды.

Однако работа Д. В. Цыганкина — это не простое продолжение изучения мордовских диалектов. Большинство прежних трудов посвящено общему синхронному описанию отдельных диалектов. Исследованиями подобного рода охвачены почти все говоры мордовских языков. Но мордовское языкознание все еще не располагало глубоким сравнительно-историческим анализом на базе обширного диалектного материала. Именно таким фундаментальным сравнительно-историческим исследованием с широкими теоретическими обобщениями и является работа Д. В. Цыганкина.

Рецензируемая работа представляет собой итог многолетних диалектологических исследований, в какой-то мере отражает достижения финно-угорской морфологической науки. В ней раскрыты основные структурные характеристики морфологии существительного, выявлены общие и частные тенденции развития их в диалектах, дано синхроническое и диахроническое описание словоизменительных парадигм. Иными словами, в диссертации решается важный круг вопросов, связанных с теоретическими обобщениями развития и формирования в мордовских диалектах категории имени существительного в сравнении с соответствующими категориями других финно-угорских языков.

Известно, что территориальные диалекты открывают широкую возможность для объяснения многих языковых фак-

тов, предоставляют богатый материал для установления путей развития языка, его взаимоотношений с соседними родственными и неродственными языками. Открытость диалектных систем способствует возникновению и бытованию различных форм, обозначающих одни и те же грамматические значения, одни и те же реалии. Диалекты сохраняют в себе архаические формы, порою даже единственные в своем роде. Все это говорит в пользу того, что сравнительное изучение диалектов, пусть даже одного языка, — важное звено лингвистических исследований в современном финно-угроведении. Исходя из сказанного, нетрудно убедиться в том, что тема, выбранная Д. В. Цыганкиным, актуальна, соответствует современным проблемам финно-угроведения, постановка ее оправданна. Она дает возможность решить ряд существенных задач финно-угорского языкознания, к одной из которых относится конкретизация исторического развития финно-угорских языков на материалах мордовских диалектов.

В работе сконцентрирован и введен в научный оборот огромный диалектологический материал по мордовским языкам, большая часть которого собрана Д. В. Цыганкиным. Значительная часть материала была малоизвестна или вообще не известна науке. Это позволило автору решить ряд проблем исторического развития отдельных категорий существительных. В частности, по-новому трактуются вопросы происхождения и развития форм множественности с т-овыми показателями (с. 47—53, 77), системы падежей прамордовских языков (с. 105—112), их происхождения (с. 125, 157—158, 161, 164—167, 173—174), истоков грамматической определенности-неопределенности (с. 208—212, 223—225) и др.

Материал с точки зрения темы хорошо проанализирован. Прделана значительная работа по критическому обобщению опубликованных теоретических изысканий по категориям существительного в финно-угорских языках. В результате исследования Д. В. Цыганкин подтвердил на материале мордовских языков многие положения, высказанные другими языковедами, тем самым заполнил недостающие звенья в цепи изучения и восстановления исторического развития финно-угорских языков.

Работа охватывает все основные категории имен существительных, представляющие интерес с точки зрения исторического развития мордовских языков; она состоит из пяти глав, посвященных характеристике соответственно категорий числа, падежа, определенности-неопределенности, притяжательности, морфемике и словообразованию. Дается подробное описание этих категорий в современных эрзя-мордовских диалектах, разделенных автором по признакам фонетического и морфологического порядка на четыре типа, каждый из которых характеризуется комплексом особенностей. В мордовской лингвистической литературе такое подразделение введено впервые. Вместе с тем следует отметить, что в работе не чувствуется четкого разграничения понятий «диалект», «говор» и «наречие», которые в современной лингвистической литературе имеют вполне определенное терминологическое значение, хотя работа полностью строится на субстанциях этих понятий. Современная диалектология, как известно, все территориальные языковые группы подразделяет на говоры и наречия, находящиеся на разных ступенях отдаленности от общезыковых черт, которые, однако, объединяются общим термином «диалект», обозначающим любую территориальную языковую разновидность. Представляется, что четыре типа эрзянских диалектов соответствуют той категории диалектной разновидности, которую в современной диалектологии называют «наречием».

Структура работы находится в логическом соответствии с развитием основной ее идеи — показать категорию существительного в мордовском языке во всем ее многообразии с широкими экскурсами в историческое развитие. Каждая глава несет соответствующую теоретическую и смысловую нагрузку. Наибольшей полнотой использованного материала, глубиной содержания и оригинальностью мышления отличаются, пожалуй, главы III «Категория определенности-неопределенности» (с. 195—237) и IV «Категория принадлежности» (с. 238—288). Разделы их, особенно происхождение рассматриваемых категорий, написаны убедительно. Очень подробно дана характеристика диалектных разновидностей парадигм указательного склонения (с. 215—

230), где введен в научный оборот интересный малоизвестный диалектологический материал. В главе IV особый интерес представляет раздел о происхождении мордовских посессивных форм (с. 264—272): автор впервые в мордовском языкознании, опираясь на диалектные материалы, устанавливает схему их развития. II глава выигрывает тем, что в ней хорошо устанавливаются внутренние связи и взаимоотношения между падежными системами диалектов, что, как известно, очень важно для наблюдения над историей развития способов выражения отношений между словами в языке, в частности для установления схем развития этих отношений в финно-угорских языках. Мордовские диалекты сохранили почти все формы древней финно-угорской падежной системы.

Работа Д. В. Цыганкина представляет собой описательно-исторический анализ категорий существительных в мордовских диалектах. Поэтому он пользовался методами синхронного описания, сравнительно-исторического анализа и внутренней реконструкции. Благодаря такому комплексному подходу к решению проблемы автору удалось добиться стройного изложения рассматриваемой темы. Работа компактна, насыщена диалектными фактами и теоретически обоснована. Думается, обобщающие работы подобного рода, включающие описание и исторический анализ отдельной категории во всех диалектах в совокупности, важны; они являются необходимой составной частью всестороннего глубокого изучения языков. Такие работы дают возможность «сверху», масштабно взглянуть на формирование языковых форм, что особенно важно с точки зрения решения вопросов родства и расхождения в период изолированного развития близкородственных языков. В этом отношении выводы Д. В. Цыганкина представляют несомненный научный интерес для марийского языкознания, с одной стороны, и для прибалтийско-финского языкознания, с другой, ибо в работе, нам кажется, еще раз на дополнительном материале подтверждается тезис о роли мордовских языков в системе финно-угорской языковой семьи как своеобразно соединяющего звена между финно-угорскими языками западного и восточного ареалов.

В какой-то мере автор сам затрагивает этот вопрос. Совершенно справедливо его замечание о том, что в установлении степени родства между языками выявление структурных отношений, структурных схождений и расхождений не менее важно, чем выявление лексико-семантических отношений (с. 302). Конечно же, родство предполагает тождественность не только (а может быть, даже не столько) лексики, но и грамматических форм, структурного развития. И поэтому, думается, совершенно правильно Д. В. Цыганкин задался целью более подробно, чем это делалось раньше, выяснить именно данную сторону языкового развития.

Автор широко пользовался материалами родственных финно-угорских языков, которые черпал из трудов других исследователей. Однако следует отметить, что материал самого близкого родственного языка — марийского — использован, пожалуй, недостаточно. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что работа посвящена изучению мордовских диалектов, но коль автор обращается к сравнительным данным и, делая выводы о происхождении той или иной категории, выходит при этом далеко за пределы мордовских языков, конечно же, нужно было полнее использовать дополнительный материал, ведь в марийском языке имеются поразительные примеры аналогичного развития форм существительных, еще не введенные в научный оборот. Однако в целом нужно отметить, что литература по рассматриваемой проблеме использована более или менее полно, особенно по истории развития отдельных категорий.

Из вышесказанного следует, что ценность рецензируемой работы для науки заключается в том, что в ней впервые подробно изучены факты территориального варьирования категорий существительного, дана новая классификация эрзянских диалектов; теоретически осмыслены и обобщены существо и развитие этих категорий путем привлечения огромного, доселе неизвестного диалектологического материала, предложены новые теории о происхождении некоторых категорий существительных; поставлены и решены важные вопросы мордовского словообразования; с позиции структурного развития рассмотрена роль диалектов в формировании общезыковых черт; по-новому поставлена проблема изучения диа-

лектов и их истории. Это новое решение проблемы взаимоотношения диалектов и общенародного языка, хотя исследований истории языка с привлечением диалектологических и сравнительных материалов, в том числе и в мордовском языкознании, было немало. Но здесь автор идет от диалектных фактов к общемордовским формам, в глубь истории, при этом пространно рассуждая о современном состоянии их, особенностях употребления, внешних признаках, значениях и т. д., и это делается с целью познать процесс внутреннего развития той или иной формы уже в период эрзя-мордовской общности.

Результаты исследования научно достоверны и вполне убедительны. Однако необходимо отметить, что общие выводы автора (с. 367—378), на наш взгляд, сформулированы недостаточно четко. Здесь хотелось бы видеть не выжатый материал исследования, а обобщенное заключение, конкретизирующее то, что достигнуто в работе.

Наша рецензия была бы неполной, если бы мы прошли мимо ряда упущений автора.

Уже упоминалось, что соответствующая литература по марийскому языку использовалась недостаточно. Нужно добавить, что в ряде случаев доказательство происхождения того или иного мордовского явления можно было усилить примерами из марийского языка. Например, когда речь идет о возможности употребления форм единственного числа для обозначения целого класса, рода предметов (с. 75, 77), к рассуждениям о происхождении аблатива следовало привести марийские формы с *dech* (с. 135) и т. д.

Немало неточностей вкралось в работу при использовании сравнительных материалов из родственных языков. В частности, неверны многие марийские соответствия. Например, *mij* 'земля' (с. 300) — нет такого слова, его можно извлечь только из слова *mijlande*; нет и *lanше* 'плащмя' (с. 300); мар. *numalash* 'тащить' не связано с морд. *nula* 'тряпки' (с. 301); вряд ли можно сопоставлять мордЭ *šef*, мордМ *šef* 'высота' с фин. *sirkeä*, эст. *sirge* 'прямой', *sirgutama* 'расти' (с. 301); не убедительны сопоставления морд. *guj/kuj* 'змея' с мар. *кишке* (с. 301), морд. *ил'ев/ил'ей* 'прут, хворостина' с мар. *ила* и т. д. Приведенные примеры вряд ли

могут быть доказательствами сохранения первичных корневых морфем в мордовских языках.

Во многих местах работы делается реконструкция форм, анализ путей их развития и т. д., тем не менее нельзя не заметить, что диахронический анализ дается неравномерно. Следовало бы больше внимания уделить происхождению отдельных форм и их развитию на мордовской почве. Подчас описание подменяет собой глубокое исследование. Поэтому было бы целесообразно усилить историческую часть.

В диссертации дана очень широкая характеристика функций отдельных падежей, их распространенности в речи. Но возникает одна теоретическая проблема, которую нельзя было избежать при рассмотрении этого вопроса. Речь идет о разграничении падежей и послеложных конструкций, ведь, как известно, проблема количества падежей нередко решается довольно субъективно, без достаточно убедительных доказательств, в результате падежные формы подчас попадают в разряд послеложных конструкций.

Подробно написан раздел о сложных словах (с. 351 и далее), но здесь автор, нам кажется, выходит за рамки своей темы, и потому в целом хорошо написанный раздел представляется искусственно вставленным. В этом же разделе вызы-

вает сомнение утверждение автора о раздельно оформленных сочетаниях в диалектах (с. 361). Их нужно рассматривать как сложные слова, налицо все соответствующие признаки.

В изложении Д. В. Цыганкина часто употребляется выражение «говоры литературного типа», вместо которого следует употреблять термин: говоры, близкие к диалектной основе литературного языка.

В некоторых местах встречаются неточности. Например, на с. 170 «... когда еще палатальная гармония и гармония по ряду не распространялись на падежные формы» (выделено нами). Разве это не одно и то же?

В главе II (с. 179—194) пространно рассматривается употребляемость отдельных фонем на границах морфем. Вряд ли имело смысл затрагивать этот вопрос в работе, посвященной морфологической характеристике. Другое дело, если бы речь шла об историческом развитии основ, тут это было бы не только уместно, но значительно выиграла бы вся работа.

Однако отмеченные недостатки не носят принципиального характера и не влияют на общие выводы и результаты исследования. Работа Д. В. Цыганкина имеет большое теоретическое и практическое значение.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

М. З. Илькинова, Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1976.

Кандидатская диссертация М. З. Илькиновой (научным руководителем был ныне покойный профессор М. Н. Коляденков) защищена 19 сентября 1977 года в Тартуском государственном университете (см. также рецензию М. Д. Имайкиной — СФУ XIV 1978, с. 220—223).

1. В рецензируемой работе рассматриваются следующие явления мордовских языков.

а) Употребление определений (включая причастные группы) в некоторых

предложениях не перед, а после определяемого слова, причем между определяемым словом и постпозитивным определением ставится запятая; например: мокш. *Тусь пизем, оцю и вишке* 'Пошел дождь, крупный и сильный' (с. 19); ср. «обычное» *Тусь оцю и вишке пизем* — с препозитивным определением. Но на деле встречаются и редкие случаи, где определение стоит после определяемого и запятые не используются; например, эрз. *Тейтерне вирьстэ цецят мазыйтть коч-*